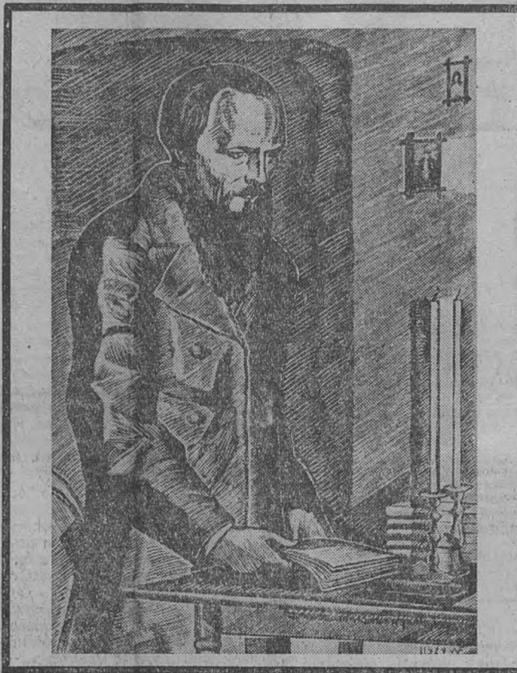


ВЕЛИКИЙ ПИСАТЕЛЬ-ГУМАНИСТ

Нынешний год соединил две памятные даты, связанные с именем великого писателя-гуманиста Ф. М. Достоевского: 11 ноября исполняется сто шестьдесят лет со дня рождения, а 9 февраля минуло сто лет после его кончины. Эти даты широко отмечаются и у нас в стране, и во всем мире.



Ф. М. Достоевский. Портрет работы В. Перова.

В чем же непреходящая ценность великого творения классика русской литературы, каково их воздействие на литературу мира? Все чаще задумываемся мы над этими вопросами, все серьезнее, глубже пытаемся ответить на них. Вот и недавняя беседа за «круглым столом», проведенная журналом «Иностранная литература» (№ 1, 1981), в которой мне довелось принять участие, еще раз со всей очевидностью доказала, сколь грандиозно и сложно это явление — Достоевский, сколь велика его роль в истории мировой литературы. Выступавшие за «круглым столом» — критики, историки русской и зарубежной литературы, высказывая порой разные точки зрения на некоторые аспекты творчества Достоевского, полемизируя друг с другом в ряде вопросов, тем не менее были единодушны в главном: Достоевский — мыслитель-гуманист, страстный борющийся с социальной несправедливостью, великий художник-реалист — наш живой современник.

В истории русской классической литературы XIX века, столь богатой великими именами, творчество Достоевского, как и творчество его младшего современника Льва Толстого, занимает особое место. Эти два гениальных писателя, как мы особенно отчетливо сознаем сегодня, с наибольшей силой выразили размах, глубину и мощь тех социальных, философских и нравственных исканий, которые пробудила не только в образованных слоях русского общества, но и в гуще самых широких масс пореформенной России эпоха извращения русской революции.

И Достоевский, и Толстой не принадлежали к представителям той части русской интеллигенции своего времени, которая, подобно Герцену, Некрасову, Чернышевскому, Салтыкову-Щедрину, прочно, навсегда связала свою судьбу с освободительным движением против самодержавия.

И все же именно оба этих великих писателя наиболее рельефно, сильно и впечатляюще выразили в своем художественном творчестве грозный, мятежный дух своей эпохи, обрисовали ее характеры и конфликты, передали высокий накал мысли, чувства, страстей, порожденных ею. Благодаря этому художественные открытия Достоевского, как и Толстого, явились (если воспользоваться словами Ленина о Толстом) шагом вперед в художественном развитии всего человечества.

Достоевский-художник отверг характерный для большей части буржуазных стран Запада в XIX веке жанр сатиры романа или романа карьеры. Герои Достоевского — мученики мысли. Любые волевым личным бытием сплетаются, универсальными по своему смыслу, «вечными» проблемами бытия России и человечества. Прежде чем решить, какой путь избрать для себя, они должны проникнуть в глубину, сложную диалектику «мировых вопросов» и «мировых противоречий».

При этом одним из первых среди представителей мировой литературы Достоевский противоядием, что восстание против старой, буржуазной морали посредством простого выворачивания ее привычных ценностей назиданию никогда не вело и не может привести ни к чему хорошему. Призывы «убейте», «украдите», «все дозволено» могут быть субъективно, в устах тех, кто их проповедует, направлены против лицемерия буржуазного общества, превращающего человека в ничтожную вещь. Но объективно все эти и другие подобные позиции представляют собой апологию зла, то есть есть более злобную и агрессивную форму той же буржуазности, глубоко враждебной труждающемуся человеку. По этому один из величайших поэтов человеческой личности в мировом искусстве, Достоевский стал не менее страстным обличителем всеволевого буржуазной личности, любых — пусть самых уточненных —

форм индивидуализма и анархизма. Великий русский писатель верно почувствовал, что для честного и мыслящего человека нет и не может быть иной исторической программы действий, кроме пути воссоединения с широкими массами, с народом, хотя в условиях своей эпохи Достоевскому трудно было угадать те реальные пути, которые могли на деле привести к их единению.

Один из величайших художников-диалектиков, Достоевский понял, что взгляд на буржуазный правопорядок как на последнее слово истории человечества — глубочайшее заблуждение. Нет ни одной мельчайшей клеточки классового общества и государства, где царил бы порядок и благообразие, все здесь находится в раздвоении и противоречии, в постоянной борьбе и брожении. И чем больше возрастает несвобода человека, отчуждение людей друг от друга, тем больше обостряются самостоятельность и активность человеческого самосознания, стремящегося вырваться из тех узких границ, которые поставила ему буржуазная цивилизация. На этом пути, отделив человека и человеческого разум неизбежно терпят поражения и ошибки, но оставаться их движению вперед невозможно, ибо оно — неотъемлемая черта «живой жизни», глубоко укоренено в самой внутренней природе вещей.

Достоевский был в высшей степени русский писатель. Его мысль и творчество были всегда неразрывно связаны с родной страной, ее людьми, их сложными индивидуальностями и общими историческими судьбами. И вместе с тем русский народ и русская культура, их прошлое, настоящее и будущее неизменно представляли перед мысленным взором Достоевского во взаимосвязи с прошлым, настоящим и будущим всего мира.

С ПЕРВЫХ пореволюционных лет деятельности культуры, руководствуясь ленинским учением о культурном наследстве, неизменно уделяли творчеству Достоевского пристальное внимание.

В принятии Совнаркомом РСФСР в 1918 году по указанию В. И. Ленина постановления о создании памятников видным революционерам и деятелям культуры великий Достоевский в списке великих писателей стоит на втором месте (после имени Толстого).

В 1921 году в Москве и Петрограде торжественно отмечалось столетие со дня рождения Достоевского. Рукописи великого писателя после Октябрьской революции были тщательно собраны в государственные архивы. С этого же времени началась их систематическая публикация. В 1926—1930 годах было подготовлено первое научное-критическое издание сочинений Достоевского. К нему примкнуло четырехтомное издание писем писателя. Оба эти издания стали на долгие годы надежной опорой для других многочисленных изданий — русских и переводных, выходивших в СССР и за рубежом.

В годы своего формирования молодая советская наука о Достоевском не имела столь прочной методологической опоры, какой стали для изучения Толстого гениальные ленинские статьи о нем. Вот почему, прежде чем выйти на верную дорогу, оособо-идеалистических либеральных буржуазных схем, влияния формалистических и вульгарно-социологических концепций, ей потребовался немалый срок и значительные интеллектуальные усилия. Тем не менее уже в 1920—1940 годы работы советских ученых заложили исходные начала, способствовавшие выработке того нового научного понимания Достоевского, созвучного нашей эпохе, которое прочно сложилось у нас в последние два десятилетия и которое смело можно приписать и

неоспоримым, фундаментальным завоеваниям современной советской историко-литературной науки.

В 1972 году Институт русской литературы АН СССР (Пушкинский Дом) по постановлению президиума Академии наук приступил к выпуску полного академического собрания сочинений Достоевского.

На меня были возложены обязанности заместителя главного редактора этого уникального издания. Кроме широко известных романов и повестей Достоевского, здесь полностью печатаются незавершенные произведения, записные тетради, черновые наброски, первоначальные редакции отдельных произведений, варианты всех рукописей. Тексты произведений заново проверены по всем имеющимся в нашем распоряжении источникам.

Издание было рассчитано на 30 томов, но сегодня очевидно, что последние три тома (28—30), куда войдут письма Достоевского, придется разделить каждый на два полумома; благодаря богатству нового материала вместо 30 томов на деле их окажется, таким образом, 33.

Параллельно с академическим изданием выходят его «спутники» — сборники «Достоевский. Материалы и исследования». Недавно утвер-

жден к печати пятый выпуск серии.

За истекшие годы академического издания Достоевского удалось привлечь к себе всеобщий интерес. Мы получаем громадное количество писем из самых различных уголков земного шара. В своей повседневной работе мы пользуемся поддержкой многих иностранных ученых. Рукописные хранилища Франции, Швейцарии, Западной Германии, СССР по нашей просьбе предоставили нам оригиналы писем Достоевского, хранящиеся за рубежом. В настоящее время Пушкинским Домом заключен договор с Японией на выпуск полного перевода академического собрания сочинений Достоевского в этой стране, где творчество русского писателя исключительно популярно. Пользуясь случаем, хочу от имени коллег издать выразить благодарность всем советским и зарубежным ученым и вообще читателям, оказавшим поддержку и помощь в нашей весьма трудоемкой работе.

ВЫРАЖЕННОЕ Достоевским в его пушкинской речи убеждение в том, что будущий удел человечества — не вражда, а дружба народов, не взаимное уничтожение, истребление и гибель, а «мирная гармония» — гармония, «не мечом приобретаемая, а силой братства и братского стремления нашего к воссоединению людей», делает Достоевского близким и дорогим всем тем, кто борется в наши дни за мир, демократию и социализм. Горячая любовь писателя к России и русскому народу, соединенная с глубокой и искренней озабоченностью судьбой всех народов мира, всего человечества, его уверенность в том, что люди, живущие на земле, неразрывно связаны между собой и ни один человек не может быть спокоен и счастлив, пока существуют боль и страдания, свойственная творчеству Достоевского атмосфера нравственной требовательности, глубокой совестливости, постоянной вдохновенного горения ума и сердца делают его произведения сегодня достоянием всего передового человечества, определяют их живое значение для наших дней, их историческое бессмертие.

Георгий ФРИДЛЕНДЕР

НАСЛЕДИЕ НА ВЕКА

ШЕСТЬ десятилетий прожил Федор Михайлович Достоевский. Из них четверть века готовился он к своему писательскому подвигу, почти на десять лет был насильственно изгнан из литературного процесса, но, когда в феврале 1881 года его жизненный путь оборвался, он был уже одним из крупнейших писателей.

Читающий мир не сразу понял, кого потерял. Однако великий дар Достоевского, кардинальные, подчас мучительные вопросы бытия, которые он бесстрашно ставил перед самим собой, перед современниками и потомками, беспощадное в своей сокрушающей разоблачительности и одновременно врачующей людей слово его от десятилетия к десятилетью все более властно притягивали внимание миллионов, заставляли их сордогаться и сострадать.

Уже первый роман Достоевского «Бедные люди» обратил на себя внимание читателей

Юрий МЕЛЕНТЬЕВ

СТРАДАЯ, НЕГОДУЯ И ЛЮБЯ

России. Высоко отозвалась о нем и критика. Затем последовали «Двойник», «Хозяйка», «Белые ночи», «Неточка Незванова» — произведения «неожиданные, авторские, раскрывающие уходящую ницету и убожество петербургских «углов», поведавшие страшную правду о судьбе разношчинцев, гибнущих от бедности и чужоты.

До конца своих дней Достоевский сохранил сочувствие сословию униженных и оскорбленных и, рисуя трагические стороны жизни, будет метаться в поисках путей к улучшению человеческого бытия и самого человека.

Трудным и противоречивым оказался жизненный путь великого художника. Важной вехой на этом пути были 40-е годы, когда Достоевский проявляет обостренный интерес к идеям социализма и социальной перееды общества, чему в немалой степени способствовало сближение с В. Г. Белинским. Позднее сам Достоевский напишет в «Дневнике писателя»: «Я застал его страстным социалистом, и он прямо начал со мной с атеизма». А подводя итог своему общению с Белинским, признается: «...Я страстно принял тогда все учение его».

Можно представить себе, что приход молодого писателя к социалистическим воззрениям был связан не только с покоряющей убежденностью Белинского, но прежде всего с тем состраданием, которое испытывал к своим обездоленным жизнью героям писатель-человек. Идеи утопического социализма ободрили. Убогие чердаки, подвалы и трущобы с бедными их обитателями оседали в воображении художника солнцем надежды.

В 1848 году Достоевский пристально наблюдает за политическими событиями в Европе и вскоре на допросе в царской охранке изложил свое отношение к ним весьма определенно: «На Западе... разыгрывается драма беспримерная. Третий и сокрушающее вековой порядок вещей... такое зрелище — урок! Это, наконец, история, а история — наука будущего... Неужели обвиняет меня в том, что я смотрю несколько серьезно на кризис, от которого ноев и ломится на дворе несчастная Франция, что я считаю, может быть, этот кризис исторически необходимым в жизни этого народа, как состояние переходное... и которое приведет наконец за собой лучшее время».

И разве не справедливо будет сказать сегодня, что Достоевского дали миру революционные события середины прошлого века? Ведь в известном смысле он сам был к ним причастен. Молодой писатель тесно связан с кружком М. В. Петрашевского, он посещает собрания у петрашевца Н. А. Спешнева — сторонника насильственного захвата власти, человека, верившего в близость народного восстания в России. «Мы заражены были идеями тогдашнего теоретического социализма», — напишет Достоевский об этом периоде четверть века спустя, прибавив, что он был посвящен Белинским в «святыню будущего коммунистического общества». Не кто иной, как Достоев-

ский, читал на собрании петрашевцев знаменитое письмо Белинского к Тоголю, «преступное о религии и правительстве», как сказано в приговоре по делу петрашевцев. Именно Достоевский, по свидетельству Аполлона Майкова, ратовал за то, чтобы создать «особое тайное общество с тайной типографией, для печатания разных книг и даже журналов, если это будет возможно», с целью «привести переворот в России».

Кто знает, в каком направлении развивалось бы в последние годы мировоззрения Достоевского, если бы не злощастный фарс, разыгранный Николаем I.

23 апреля 1849 года Достоевский по доносу провокатора был арестован у себя на квартире, тогда же были схвачены и другие петрашевцы, а морозным утром 22 декабря заключенных перевезли из мрачных казематов Алексеевского равелина на Семеновский плац, где должна была состояться казнь.

Трудно придумать, что-либо более бесчеловечное, неустойчивое, нежелание тщательного разработанной и высочайше утвержденной церемонии приведения приговора в исполнение.

Показательно, что в романе итогов — в «Братьях Карамазовых» — Достоевский намеревался, как об этом свидетельствует в своем «Дневнике» А. С. Суворин, провести Алексея Карамазова «через монастырь и сделать революционером. Он совершил бы политическое

Осужденных встречал священник в погребальном облачении, их закрутили в белые балахоны смуртников, первых трех прижали к столбам, опустили колпаны на глаза. По команде солдаты вскинули ружья, прицелились... Только после всех этих приготовлений и смерти должно было объявить «высочайшую конфирмацию», по которой расстрел заменился каторгой.

Вероятно, не будет преувеличением сказать, что долгие годы в «Мертвом доме» произвели необратимую работу, которая глубоко отразилась на взглядах Достоевского и всем его последующем творчестве. Соприкоснувшись с пестрым разнообразием острожной толпы — «погибшего народа», почувствовав ненависть арестантской массы к осужденным дворянам, писатель исподволь начинает сомневаться в прежних убеждениях, постепенно его одолевает неверие в возможность изменить судьбы народа путем революционной борьбы.

Никто не знает, как это происходило. «Что сделалось с моей душой, с моими верованиями, с моим умом и сердцем в эти четыре года — не скажу тебе, — написал Достоевский своему брату Михаилу через неделю после выезда из каторги. — Долго... рассказывать. Но вечное сосредоточение в самом себе, куда я убежал от горькой действительности, принесло свои плоды». А спустя годы он сделает и другую запись: «Мне очень трудно было бы рассказать историю перерождения моих убеждений».

Как только изнурительные годы каторжного труда остались позади и Достоевский был определен в Сибирский 7-й линейный батальон, квартировавший в Семипалатинске, он прежде всего с жадностью набросился на книги.

В ссылке Достоевский решает вернуться к литературному творчеству, хотя «ужасно опасался цензуры». Здесь им были написаны «Дядюшкин сон» и «Село Степанчиково и его обитатели», начаты «Записки из Мертвого дома».

В Семипалатинске Достоевский по-настоящему ожил. Впервые за последние годы у него возродился интерес к жизни. Здесь он подружился с Чоканом Валихановым, первым ученым-казахом, выдающимся востоковедом и этнографом. Неумимый путешественник, обаятельный собеседник, интеллигентный рассказчик, Валиханов делился с Достоевским впечатлениями от своих экспедиций, а писатель в свою очередь горячо советовал «дорогому Валихану» растолковать русским, «что такое степь», чтобы действовать сближению казахов с Россией.

хроническое безденежье — все это не могло не найти отражение в его книгах, герои которых из-за постоянных страданий и унижений испытывают раздвоение сознания, чувствуя гибельное разрушение души: с одной стороны, возникает ощущение ничтожества бытия, с другой — назревает потребность бунта и протеста в защиту своего человеческого достоинства.

Но как бы ни менялись представления Достоевского о жизни и человечестве, как бы упорно он ни объявлял себя охранителем кустов, сторонником нравственных, а не социальных преобразований, как бы ни стремился показать спастельность смирения, очистительность страдания, он предстает в истории литературы великим бунтарем и ниспровергателем. И именно в этом первейшем и неопровержимом доказательстве того, что живая искра, коснувшаяся его сердца в юности, не была погашена.

Показательно, что в романе итогов — в «Братьях Карамазовых» — Достоевский намеревался, как об этом свидетельствует в своем «Дневнике» А. С. Суворин, провести Алексея Карамазова «через монастырь и сделать революционером. Он совершил бы политическое

преступление. Его бы казнили. Он искал бы правду и в этих поисках, естественно, стал бы революционером...».

Не секрет, что в журнале «Время» и «Эпоха», которые Достоевский издавал вместе со своим братом М. М. Достоевским в 60-е годы, писатель выступал против революционно-демократической программы Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова. Однако эту полемику нельзя рассматривать однозначно. Мы обязаны соотносить ее с трагической лонкой мировоззрения, со всем, что отражено в произведениях писателя. Известно, что в своих мемуарах Достоевский активно и резко протестовал против ряда толкований его произведений, как якобы направленных лично во вред Чернышевскому. Он объяснял такие толкования низостью. Это не означало, конечно, изменения во взглядах Достоевского на революционно-демократическую программу, на революционное движение. Но мемуары, по крайней мере, подчеркивают личное уважение и Чернышевскому как и авторитетному, умному и талантливому человеку.

Заслуживает внимания точка зрения ряда видных советских ученых о неоднозначности отношения писателя к революционерам, сторонникам социализма. В ряде произведений Достоевского они усматривают не отрицание этики революционеров вообще, а неприятие им главным образом извращений в этой этике, в частности макиавеллизма, способного оправдать любые средства для достижения поставленных целей. Достоевский, по авторитетному мнению этих исследователей, выступает не против революционеров и социализма, а против нечуждены с ее моральной нечистоплотностью, как бы проводя в ней дьявольскую демонологию фашиствующей вседозволенности.

Конечно, сложные коллизии жизни и творчества Достоевского давали и дают некоторый повод для антидемократической трактовки. Реакционеры всех мастей — от печально знаменитых веховцев, религиозных мистиков до современных «советологов» — стремились и стремятся односторонне приспособить наследие Достоевского к своим идеологическим целям.

Буржуазное литературоведение использует противоречия в мировоззрении писателя часто для прямо противоположных интерпретаций его творчества. Одни видят в нем христианского вероучителя, призывавшего отречься за мировую вину человечества, проповедовавшего смирение и нравственное совершенствование. Другие превращают Достоевского в предтечу нищенских идей, в певца распада личности. Третьи пытаются с помощью его произведений разгадать таинственную русскую душу, а заодно обогатить целый ряд, приписав ему качества отрицательных персонажей великого писателя.

Но все вместе они стремятся скрыть главный нерв, стержень творчества писателя — ненависть к миру наживы и стяжательства, к уродующей природе капитализма, которая и есть основной виновник трагедии униженных и оскорбленных.

«Боль о человеке» — главное в творчестве писателя. Уже «Записки из Мертвого дома», законченные вскоре после возвращения из ссылки, заставили заговорить о нем как об огромном, хотя и жестоком таланте. И. С. Тургенев сравнивал их с Дантовым «Адом», А. И. Герцен — со «Страшным судом» Микеланджело. Романы «Преступление и наказание», «Идиот», «Братья Карамазовы» окончательно утвердили высочайший художественный авторитет писателя.

В истории литературы Достоевскому нет равных в изобретении человеческого страдания, в глубине психологического проникновения в тайные глубины души героя. Одновременно его произведения полны ненависти к уродующей человека силе денег. Он страстно осуждает «наполеонизм» — это концентрированное проявление буржуазного индивидуализма.

Но как бы ни были мучительны и противоречивы поиски и художественные открытия Достоевского, как бы беспощадно ни вскрывал он пороки и моральную низость иных своих героев, он все же верил в возможность возрождения человека, в то, что даже униженный «носит в своем кармане золотой век». Сквозь все сомнения пронес Достоевский жгучее желание веры в лучшее будущее для людей. Она и одушевляла его беспрестанные поиски и раздумья над судьбами мира.

Диалектику собственной души Достоевский так отразил в одном из писем: «...Я — дитя века, дитя неверия и сомнения до сих пор и даже (я знаю это) до тробовой крышки. Каких страшных мучений стоило и стоит мне теперь эта жажда верить, которая тем сильнее в душе мой, чем более во мне доводов противных».

К Достоевскому вполне применимы слова Микеланджело о том, что сердца людей могут задевать лишь такие творения, которые художник создает, «плача, любя, негодуя и страдая».

Творчество Достоевского оказало и продолжает оказывать огромное влияние на развитие русской и мировой литературы. Неисчерпаем интерес к Достоевскому в странах социалистического содружества. Его произведениями широко интересуются в Англии, Индии, Италии, Франции, Японии и других странах. Многие выдающиеся писатели США, такие, как Т. Драйзер, С. Фицджеральд, У. Фоллиер, Э. Хемингуэй, относят Достоевского к своим литературным учителям.

О непреходящем значении литературного подвига Толстого и Достоевского образно и сильно сказал А. М. Горький: «Толстой и Достоевский — два величайших гения, силою своих талантов они потрясли весь мир, они обратили на Россию изумленное внимание всей Европы, и оба встали, как равные, в великие ряды людей, чьи имена — Шекспир, Данте, Сервантес, Руссо и Гёте».